

Эта книга является результатом двухлетней работы. Ее появление было бы невозможно без поддержки и помощи некоторых людей, которых мне хотелось бы поблагодарить отдельно.

Роберт Петросян, Георгий Петросян,
Александр Терехов, Ким Белов,
Екатерина Манукова, Евгений Капьев.

Спасибо!

Читайте в серии:

Максим Забелин «Ключевой»

Орсон Петерсен «Работа над ошибкой»

Анатолий Кудрявицкий «Летучий Голландец»

Рагим Джафаров «Марк и Эзра»

ОРСОН ПЕТЕРСЕН

РАБОТА
НАД
ОШИБКОЙ

Москва
2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(7Сое)-44
П29

Разработка серии и художественное оформление
Марш Коняевой

Петерсен, Орсон.
П29 Работа над ошибкой / Орсон Петерсен. — Москва :
Эксмо, 2019. — 608 с.

ISBN 978-5-04-101833-7

Джаз вместо тишины. Чудо вместо отчаяния. Взрослый вместо ребенка. Сыграть судьбу по нотам невозможно, даже если ты талантливый музыкант. Лучший друг кончает жизнь самоубийством. Музыкальный коллектив распадается. В сорок один год ты до сих пор одинок и начинаешь понимать: что-то не так.

Одним ноябрьским вечером Эмиль Времянкин, казалось, достиг точки невозврата. Но для талантливого пианиста судьба готовила иное будущее... Теперь Эмиль — семилетний мальчик с опытом взрослого. Может заново прожить жизнь. И у него есть план.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-101833-7

© Петерсен О., 2019
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

I

Один человек как-то сказал: «Я не боюсь смерти, потому что не теряю время зря». И действительно, о чем еще жалеть, подводя итог, как не о времени, потраченном впустую?

Другой человек написал: «Завтра — ненадежный дар. Полно медлить...» Мы хрупки. Вероятность достижения вечности сию минуту существует постоянно. Раз — и оборвалась нить. Да так, что и подумать о делах своих не будет никакой возможности. Скоропостижно.

Хорошо это или плохо, но таковы условия задачи, которую должен решить каждый. Есть время, и нужно как-то распорядиться им. Еще одно важное условие — не известно, каким именно количеством времени мы располагаем. Может, полноценная человеческая жизнь, а может, всего ничего. Как повезет. Стоит, пожалуй, упомянуть еще об одном обстоятельстве — по истечении срока мы исчезаем. Навечно. Время пошло...

Но как понять, что важно, а что — нет? Какое время проведено с пользой, а какое убито беспечностью? Не имею представления. Каждому свое. Жизнь, кажется, не имеет смысла. Мы сами осмысливаем ее, находим свой интерес. Для одних это семья, дети, для других деньги или что-то еще. Для кого-то и то и другое. Некоторые сознательно выбирают свой путь, некоторые двигаются по инерции. Есть среди людей и те, кто считает проблемы экзистенциального свойства чушью и просто живет. Лично я отношусь к этому вопросу серьезно. Особенно сейчас, после того, что со мной произошло.

Почувствовать свой потенциал и реализовать его. В этом суть. Успеть полностью раскрыться до заката. Необходимо решиться на что-то. И уж если решение принято, действовать, не жалея сил. Выкладывать

все, что имеешь: ум, сердце, желания, мечты, способности. Ставить на результат и действовать, действовать, действовать. Важно ли при этом быть полезным человечеству? Трудно сказать. Наверное, осознавать такое было бы приятно.

Мне нужен план!

Это первая запись в дневнике Эмиля Времянкина, сделанная через два дня после того, как он встретил свое семилетие. С тех пор прошло полгода. Мальчик закончил шестой класс. Эмиль успешен и знаменит. У него есть дочь. Ей тоже семь. Но история эта началась раньше, когда Времянкин только приблизился к четкому осознанию того, что не будет жить вечно. В тот день Эмилю исполнился сорок один год.

* * *

Ноябрь сыпал на вечернюю Москву первый снег. Мокрые хлопья вываливались из зловещего тумана, опустившегося на город. Едва светили сквозь плотную кидь редкие фонари. В такие погоды людские сердца неохотно раскрываются навстречу чужому горю, в то время как человек бедный вдвойне ощущает холод, голод и сиротливость.

Эмиль — худощавый мужчина среднего роста — вышагивал по Пушкинской набережной в сторону джазового клуба «Секунда». Его одежда выразительно диссонировала с погодой. Вельветовый пиджачишко, застегнутый на все пуговицы, и вязаные перчатки-гловелетты оставляли много уязвимостей для юного морозца. Одной рукой Эмиль придерживал отвороты пиджака, другой — фалды, чтобы те не расходились. Дырявые башмаки так промокли, что обратились в кисель и хлопали на каждом шагу.

Сжимаясь от промозглых дуновений, Времянкин морщил щетинистое лицо и через каждые пару шагов шмыгал носом. Ветер играл его подседоватыми кудрями по своему усмотрению — то прижимал шевелюру к голове, то задирали ее вверх, обнажая выпуклый лоб. В уголках безрадостных глаз Эмиля поблескивали слезинки.

Несмотря на ветхость и несообразную легкость своей одежды, Эмиль имел достаточно опрятный вид. Достаточно для того, чтобы не сойти за бездомного. К тому же он не просто бесцельно брел, он двигался целенаправленно, торопился куда-то, как типичный обыватель. Со стороны могло показаться, будто человек отважился на переход между близлежащими объектами налегке. Нет-нет да и встретишь в стужу такого смельчака. В действительности же все обстояло несколько иначе. У Эмиля попросту не было другой одежды. Впрочем, у него вообще ничего больше не было. Ни кола ни двора.

Холод подгонял бедолагу. Но была и другая причина спешки. Этим вечером Времянкину предстояло выступление с джазовым коллективом. Это разовая работа за деньги, которых должно было хватить на неделю скромной жизни в этом недешевом городе.

И хотя в музыкантских кругах Эмиля считали настоящим мастером, возможность заработать выпадала ему крайне редко. Нельзя сказать, что все музыканты его уровня живут впроголодь в наши дни. Отнюдь. У некоторых даже получается скопить на собственный угол, играя в нескольких группах сразу. Есть и совсем удачливые, сделавшие сольную карьеру или, по воле случая, оказавшиеся в составе преуспевающей команды. Но Эмиль не из таких.

Правда, пятнадцать лет назад у него тоже был шанс на безбедное будущее. Вместе со своим другом по учебе, ударником Эриком, они образовали дуэт и назвали его — «Бревис», что означает — длительность, равная двум целым нотам. Они сочиняли и исполняли экспериментальный джаз и так называемую конкретную музыку. Как и многие романтики девятнадцатого и авангардисты двадцатого веков они пришли к заключению, что традиционный музыкальный язык уже давно достиг совершенности и этот тупик должен быть преодолен. Они хотели вернуться в стихию шума и интегрировать ее в сложившийся музыкальный язык. Они вдохновлялись трудами художника-авангардиста и практика оккультизма Луиджи Руссоло, который предрекал музыке слияние шума и звука. «Бревис» заимствовал идеи у русских футуристов, создавая симфонии заводских гудков или металлических листов с фортепиано. Их творчество сравнивали

с произведениями Джона Кейджа и Пьера Шеффера. Они были джазовой спазм-бандой, которая помимо классических музыкальных инструментов использовала различное барахло. Ударно-шумовые тембры, совмещенные с привычными звуками, были основой их стиля.

Эмиль отвечал за мелодии и играл на всем, что имело клавиши. А Эрик обращался с ритмами как хотел, ломая их в самых неожиданных местах. Помимо барабанных палочек он использовал вязальные спицы, кулинарные венчики, унитазные ершики и многое другое. Парни превращали бессвязные звуки в стройные ритмические абстракции. Это было претенциозно и в то же время захватывающе. Зрелищно и музыкально.

В ученической среде о них говорили исключительно с придыханием. Если Эмиль и Эрик звали кого-то из студентов участвовать в студийной работе, это могло расцениваться как признание способностей приглашенного и являлось веским поводом для самоуважения. Играть с «Бревисом» считалось достижением.

Эрик и Эмиль практически все время проводили вместе, выискивая новые гармонии, звуки, ритмы и образы. Процесс настолько увлекал их, что сил на учебу уже не оставалось. И однажды им пришлось сделать выбор. Они предпочли работу.

К тому времени «Бревис» уже имел репутацию самого прогрессивного отечественного джазового коллектива. Многие зарубежные фестивали с радостью принимали бойкий дуэт на своих площадках. Эрик и Эмиль объездили со своей музыкой полмира и выпустили два студийных альбома. Выступали на многочисленных телевизионных шоу, посвященных джазу. Все шло как нельзя лучше. Ко всему прочему Эрик и Эмиль были друзьями. Это, к слову, необязательное условие для творческих объединений. Эрик любил повторять, что для возникновения музыки нужно не меньше двух звуков, намекая на то, что они с Эмилем дополняют друг друга. Эрик был загадочным, нелюдимым и немного мрачным типом. Он производил впечатление аутичного гения. Возможно, так оно и было. Никто, кроме Эмиля, не видел Эрика улыбающимся, потому что случалось это только в моменты их совместного творчества. Эрик искренне радовался,

когда «Бревису» удавалось нащупать что-то, по их мнению, действительно стоящее.

Вся история «Бревиса» — это невероятное путешествие в мир музыки, которое вдобавок приносило деньги. Казалось, что все было на своих местах. Для двух чудаковатых друзей все имело смысл. Времянкин был счастлив.

Так продолжалось несколько лет. Пока в один ужасный день Эмилю не позвонила мама Эрика. Она сообщила, что ее сына больше нет. Полицейские обнаружили сумку с его документами на середине Крымского моста. Был также свидетель, который видел, как молодой человек, по описанию похожий на Эрика, бросился с парапета в реку.

Тело так и не нашли. Эрик словно растворился в холодных водах Москвы-реки. Нашли лишь его кожаную куртку, прибитую к берегу. В кармане куртки лежала записка. Она промокла, и буквы расплылись. В полиции предположили, что это предсмертное послание. Но разобрать что-либо было практически невозможно. Лишь по очертаниям первого слова угадывалось обращение к другу — Эмиль. Никто не понимал, почему Эрик сделал это, почему решил покончить со всем. Не было никаких видимых причин. Но...

Времянкин долгое время находился в подавленном состоянии. Позже он пытался воссоздать «Бревис» с другими музыкантами, но безуспешно. Единомышленника он так и не встретил, а бревиса, состоящего из одной целой ноты, не бывает. Это уже — семибревис, между прочим, одна из самых применяемых и важных длительностей в системе мензуральной нотации. Так или иначе, ни с бревисом, ни с семибревисом дело не пошло.

Вскоре ко всем бедам Эмиля прибавилась еще одна: студию, на которую они с Эриком тратили большую часть своих гонораров, обокрали. Хорошо известно, что каждый инструмент имеет особые приметы и нередко всплывает спустя время у кого-то из музыкантов, купивших краденый товар с рук. Они-то обычно и помогают полиции найти воров. Но в этот раз ничего подобного не произошло. Все оборудование осело в чьей-то домашней коллекции. Эмиль остался с таким и с тех пор, кажется, перестал стремиться к чему-либо.

Показалась неоновая вывеска «Секунды». Времянкин прибавил шагу. Подойдя ко входу, он перепрыгнул через две ступеньки на крыльцо клуба, стряхнул с пиджака снег, открыл дверь и нырнул внутрь.

У гардероба уже толпился народ. Вечер пятницы традиционно собирал большое количество поклонников джаза, вне зависимости от того, чье имя красовалось на афише. Играют ли звезды сцены или каверовый середнячок — зал будет полон. Клуб «Секунда» довольно популярное место среди любителей живого звука. Приятная атмосфера и невысокий чек работают лучше, чем просто приятная атмосфера. Хотя бы раз в жизни здесь выступали все известные отечественные джазмены. Неизвестные же рассматривали эту площадку как возможность показать себя искушенной публике.

Ароматы духов вперемешку с запахами еды и алкоголя, приглушенный свет, неразборчивая болтовня посетителей и музыка, доносящаяся из зала, будили в Эмиле легкие признаки волнения. Местный диджей подготавливал публику к предстоящему концерту, разбавляя классику джаза ненавязчивым фьюженом.

Времянкин прошел сквозь толпу мимо гардероба и остановился у большого зеркала. Глядя на свое отражение, он опустил воротник пиджака и примял ладонью взбитые ветром волосы. В голове мелькнула мысль: «На лестнице при входе ровно две ступени. Интервал в две ступени — это секунда. Хм... Наверное, поэтому клуб называется так... Очередное bestолковое открытие».

— М-да... — тихо, на выдохе согласился с собой Эмиль.

Неожиданно его внимание привлек отраженный в зеркале фон — стена, декорированная постерами и фотографиями знаменитых музыкантов, выступавших здесь в разное время. Прямо над головой Эмиля висел небольшой снимок в простой рамке. Времянкин обернулся, приблизился к стене и всмотрелся в изображение.

Фотография была сделана много лет назад, на концерте «Бревиса» в «Секунде». Черно-белое фото хорошо передавало энергетику дуэта. Чистая экспрессия. Длинноволосый Эрик в очках за барабанной установкой в момент исполнения. Жили-

стые руки обрушивают на райд и крэш всю мощь его личности. Пленка ухватила глубокую дрожь железных тарелок, получивших импульс от барабанных палок. Голова Эрика задрана в потолок. Эмиль на фото примерно в такой же позе, за фортепиано. И у обоих закрыты глаза. Эту фотографию Времянкин видел впервые, но задерживаться ради воспоминаний не стал. Он развернулся и направился ко входу в зал.

— Вход платный, мужчина.

Здоровенный вышибала в черной майке с эмблемой клуба преградил Эмилю путь, выставив вперед открытую ладонь. «Вот это исполин! — мелькнуло в голове Времянкина. — Что за пятерня? Гроздь бананов». Охранник действовал спокойно и в меру деликатно.

— Я играю сегодня, — пояснил Эмиль. — Выступаю на сцене.

— Вы Элем?

— Нет. Эмиль.

— Можете пройти.

Здоровяк сделал шаг в сторону, освободив музыканту путь, и перевел взгляд на следующего посетителя. И, хотя еще минутой назад Времянкин разглядывал свое изображение на местной стене славы, правда состояла в том, что никому не было до него дела.

Эмиль вошел в зал. Полумрак кишел людьми. Свет горел только над сценой и баром в противоположных концах зала. Остальная часть помещения утопала в темноте. Лишь редкие прямоугольники коммуникаторов вспыхивали и угасали то тут, то там. Лиц было не разобрать, только силуэты. Мужские и женские. Гости оживленно общались в ожидании начала концерта. Официанты разносили напитки и еду.

Времянкин бросил взгляд на сцену. Судя по всему, настройка была уже произведена. Расставленные инструменты дожидались музыкантов. Черное фортепиано «Циммерман», ударная установка с заряженными на малом барабана палочками и потертый контрабас, лежащий на боку. Протискиваясь между стоящими вдоль стены посетителями клуба, Эмиль добрался до двери, спрятанной за сценой.

В просторной гримерной уже находились двое — Юля и Денис. На вид им было лет по двадцать пять. Юля стояла в центре комнаты, прислонившись задницей к круглому деревянному столу. Одной рукой она печатала сообщение в телефоне, пальцами другой руки теребила нижнюю губу. Юля иногда делала так, когда нервничала.

Ее красивое выразительное лицо приятно оттеняла темно-русская коса-колосок, усевшаяся на плече. Черная водолазка и обтягивающие брюки подчеркивали ее складную фигуру. Образ Юли несколько диссонировал с ее музыкальной специализацией. Если бы пришлось угадывать, на чем играет это нежное создание, скорее подумалось бы о клавишных или струнных инструментах. Но Юля была профессиональной барабанщицей. Довольно редкий экземпляр в музыкантской среде — лихая ударница с привлекательной внешностью. Чаще встречалось что-то одно. Возможно, дело в том, что рабочий инструмент меняет своего пользователя, а барабаны порой требуют и физической силы, и изрядной агрессии. Непросто сохранить мягкость черт, занимаясь грубой работой. Впрочем, с этим мнением рассказчика можно смело не соглашаться. Уж больно оно походит на сексистское клише.

Пока Юля печатала, Денис сидел на стуле и смачивал слюной саксофонную трость. На его коленях лежал золотистый альт. Опрятный молодой человек имел придурковато-сосредоточенный вид. Этакий отличник. Открылась дверь. В гримерку вошел Эмиль. Юля тут же отложила телефон и устремилась к новому участнику сцены.

— Где тебя носит?! — вытаращив глаза, возмутилась девушка. — Время без пятнадцати!

Юля была на взводе и спрашивала строго. Времянкин смотрел на нее с некоторым изумлением.

— Здравствуй, для начала... — спокойно ответил он.

— Утром виделись, — отрезала Юля.

Времянкин взглянул на Дениса. Тот расплылся в добросердечной улыбке. Ответив недоверчивым прищуром, Эмиль вернулся к собеседнице.

— Кто это? — с легким пренебрежением поинтересовался он.

— Думаю, можно быть немного повежливее. Это Денис. Эмиль, почему ты не отвечаешь на сообщения? — не унималась Юля.

В этот момент в разговор вступил духовик.

— Я Денис, саксофонист, — успел сказать молодой человек, прежде чем взвинченная девушка прервала его.

— Мы сегодня играем с Денисом. Я говорила тебе об этом миллион раз!

К последнему слову в фразе Юля разогналась до крика.

— Хорошо, я понял. Остынь.

— Что, нельзя было позвонить? Ну, ты и...

Юля сжала губы, чтобы не дать обидному слову вырваться наружу.

— Не опоздал же, — оправдывался Эмиль. — Что на тебя нашло?

Девушка развернулась и сделала несколько решительных шагов в направлении стола. Она взяла свой смартфон и начала что-то печатать.

— Рад знакомству! — заполнил образовавшуюся паузу Денис. — Роберт и Юля очень хорошо отзывались о вас.

Молодой человек излучал неуместный задор. Он словно не замечал возникшего напряжения. Несмотря на грубый тон Юли и недружелюбное проявление Эмиля, Денис, кажется, был искренне рад встрече и спешил этим поделиться.

— Ты что-то путаешь, — не согласился Эмиль. — Юля не могла хорошо отзываться обо мне.

Времянкин пребывал в своем состоянии и определенно не собирался играть с Денисом в жизнерадостную доброжелательность. «Ку-ку» — донеслось из кармана его пиджака. Эмиль вынул потертый телефон и прочитал сообщение, полученное от Юли: «Роберт знает!!!»

— Черт! — растянул Времянкин.

Он взглянул на девушку. Та по всем признакам была готова взорваться. Ее щеки горели, глаза искрились яростью, руки гневно упирались в бока. Денис тем временем продолжал:

— Да нет же, Юля тоже хорошо отзывалась. Точно помню. Так ведь, Юль?

— Не обращай внимания, Денис, он просто неуверенный в себе мизантроп. И эгоист, существующий в режиме тотального безразличия.

После этих слов, сказанных Эмилю прямо в глаза, Юля обернулась и тяжело вздохнула. Времянкин смиренно принял упреки девушки и поплелся к столу, оставив у порога две мутные лужицы стекшей с башмаков воды. Он стянул с себя перчатки и положил их на столешницу между саксофонным кофром и колчаном с барабанными палочками.

— Где Роберт? — обратился он к Юле, предварительно шмыгнув носом.

— Отошел. В туалет. Я не знаю. Может, и не в туалет, — спокойно ответила она.

Потом цыкнула, скрестила руки на груди и сдула с покрасневшего лица выбившуюся из косы прядь волос.

— Мы можем поговорить где-нибудь? — почти шепотом спросил Времянкин.

Вместо ответа Юля подошла к вешалке, сняла с крючка пальто и направилась к выходу. Эмиль последовал за ней. Денис, очевидно, решил, что в сложившейся ситуации лучше продолжить облизывать трость. Так он и поступил.

Эмиль и Юля вышли во внутренний двор клуба — небольшое замкнутое пространство, куда обычно ходят курить сотрудники заведения. Девушка устремила в центр двора, подальше от запахов табака. Эмиль неспешно плелся за ней.

— Ну, ты и гад! — начала Юля с разворота.

— Что?

— Ты просто сволочь! Ты разрушаешь все, к чему прикасаешься!

— Как он узнал?

— Ты бросил использованный презерватив в мусорное ведро, придурок! Ты просто идиот!

— Роберт знает, что это я?

— А ты как думаешь? Кроме тебя, с нами никто не живет. Как тебе пришло в голову бросить презерватив туда?

— Не подумал. Машинально, видимо.

— Не подумал? Да тебя вообще ничего не парит. Как ты мог спать с девушкой своего друга? Это просто мерзость. Он приютил тебя, когда тебе было некуда идти. Ты для него авторитет. Но тебе плевать, урод ты конченный.

— Прости, но ты тоже участвовала в этом.

— Это моя самая большая ошибка! В жизни! Потому что я люблю Роберта. А ты мне просто отвратителен.

— Значит, я не смогу сегодня у вас переночевать?

— Ты вообще слышишь, что я говорю? Конечно же нет! Знаешь, твоя проблема в том, что ты ничего не хочешь. Ты как... Не знаю. У тебя даже нет теплой одежды.

— А ты чего-то хочешь, значит?

— Да, я хочу. Семью, детей, красивый дом. Это плохо?

— Как-то это не вяжется с творчеством. Что-то мешанское.

— Да очнись ты уже! Мы хотя бы пытаемся нормально жить.

А ты дрыхнешь целыми днями на диване, как старый дед. И никогда ничего не добьешься. Простофиля, самый натуральный.

— Старый дед? Это серьезное обвинение.

Времянкин усмехнулся.

— И еще не забывай, что ты урод, который спит с девушками своих друзей!

— Ну хватит, — остановил ее Эмиль и отвел взгляд в сторону.

— Кому теперь будешь портить жизнь? — чуть успокоившись, спросила Юля.

— Что?

— Где ты будешь ночевать, я спрашиваю?

— Не знаю, поеду к сестре в Подмоскovie или куда-то еще.

Все образуется.

— Как? По щучьему велению, что ли?

— Я контролирую свою жизнь. За меня не переживай. Знаешь, думаю, нам пора, — закончил разговор Эмиль.

Вместе они вернулись в гримерную. Юля набросила пальто на спинку стула, взяла колчан с палочками и, не говоря ни слова, вышла из комнаты. Времянкин снял пиджак, аккуратно свернул его и положил на диван, стоящий у стены. Расстегнув манжеты рубашки, Эмиль принялся засучивать рукава. Денис